

Татьяна Алексеевна Дьякова

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук, доцент, Луганск, Луганская Народная Республика
e-mail: diako122@rambler.ru

Литературный интертекст как элемент идиолекта Михаила Матусовского

Аннотация. В статье проведен анализ общих теоретических изысканий, посвященных проблеме литературного интертекста. Как элемент идиолекта Михаила Матусовского рассматривается интертекст из литературных источников. Материалом исследования послужили поэтические и прозаические произведения писателя разных лет. В качестве претекстов анализируются литературные художественные произведения русских и зарубежных авторов. Источники принадлежат разным историческим периодам: от Древней Руси и Древнего Востока до России и Западной Европы XX в. Помимо художественных текстов, исследованы документальные первоисточники интертекстуального материала: летописи, грамоты, документы времен Великой Отечественной войны. Проанализированы функции использования писателем интертекста, особенности его интерпретации в художественном поэтическом и прозаическом дискурсе.

Ключевые слова: идиолект, интертекст, претекст, литературный источник, эпиграф, цитата, экспрессивность, художественная выразительность.

Tatiana A. Diakova

M. Matusovsky State Culture and Art Academy of Lugansk, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Lugansk, Lugansk People's Republic
e-mail: diako122@rambler.ru

Literary Intertext as an Element of Mikhail Matusovsky's Idiolect

Abstract. The article analyses general theoretical studies devoted to the problem of literary intertext. Intertext from literary sources is considered as an element of Mikhail Matusovsky's idiolect. The research material was the poetic and prose works of the writer of different years. Literary works by Russian and foreign authors are analysed as pretexts. The sources belong to different historical periods: from Ancient Rus and the Ancient East to Russia and Western Europe of the 20th century. In addition to literary texts, documentary primary sources of intertextual material were studied: chronicles, letters, documents from the time of the Great Patriotic War. The functions of the use of the intertext by the writer, the peculiarities of its interpretation in artistic poetry and prose discourse are analysed.

Keywords: idiolect, intertext, pretext, literary source, epigraph, quotation, expressiveness, artistic expressiveness.

Введение (Introduction)

Одно из актуальных направлений развития современной лингвистической поэтики — исследование идиолекта писателя. Считая близкими понятия «идиолект» и «идиостиль», ученые зачастую используют эти термины как синонимы, добавляя к ним еще и «индивидуальный стиль» (В. Григорьев, М. Котюрова). Так, В. Григорьев отмечает, что, «говоря о художественном или поэтическом идиолекте, в современной поэтике имеют в виду важнейшую составляющую индивидуального стиля, т. е. идиостиль» [1, с. 114].

В науке существует два понимания понятия «идиолект». В узком смысле — это только специфические речевые особенности данного носителя языка, что более всего актуально, по мнению В. Виноградова, в поэтике и нейролингвистике. Широкое же толкование понятия «идиолект» предполагает включение в него совокупности текстов,

порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка [2, с. 144]. Идиолект в таком понимании — «это не только особенности, но и весь состав речи языковой личности» [3, с. 119]. В орбиту исследования прежде всего попадает речь творческих личностей, среди которых особое место принадлежит писателям, чьи произведения и становятся объектом изучения.

Говоря об идиолекте как обо всём составе речи писателя, следует учитывать и разные элементы этого речевого комплекса. Неотъемлемой частью идиостиля поэта становится обращение к тем или иным текстам, предшествовавшим его собственному и нашедшим отражение в нём в форме разного рода интертекстуальных вкраплений.

Дающий возможность исследовать межтекстовые связи интертекстуальный подход к изучению художественного произведения получил широкое распространение в кон-

це XX — начале XXI в. Учение об интертекстуальности складывалось преимущественно в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе, поскольку, анализируя текст с позиций филологических, не обратить внимание на интертекстуальные включения — значит «обеднить результаты исследования, представить общую картину неполной» [4, с. 44]. Проблемами различных аспектов интертекстуальности и интертекста занимались И. Арнольд, Р. Барт, М. Бахтин, Я. Вежбиньски, И. Ильин, Ю. Кристева, Н. Кузьмина, К. Сидоренко, И. Смирнов, Н. Фатеева и другие зарубежные и отечественные ученые. Говоря об актуальности интертекстуальных исследований, Я. Вежбиньски подчеркивает, что «корректное прочтение и целостное восприятие художественного текста фокусируется на множестве связей — внутритекстовых, нетекстовых и межтекстовых. Углубленное понимание художественного дискурса нуждается поэтому в установлении многомерных параллелей, соотношений и ассоциаций» [5, с. 186].

Существуют различные подходы к классификации интертекстуальных вкраплений. Так, Н. Болотнова предлагает разграничивать для анализа языковой единицы различные виды контекста, в том числе минимальный (в рамках словосочетания, отражающего грамматические связи лексической единицы) и развернутый (в рамках предложения/высказывания) [6, с. 449]. Выделяют интертекстуальные единицы и по претексту, т. е. по виду (типу, источнику) исходного текста, элементы которого заимствуются автором при написании собственного (Н. Арефьева, Е. Генова, П. Колобаев и др.).

Методы (Methods)

В процессе исследования стихотворных и прозаических текстов и изучения функционирования литературного интертекста в произведениях М. Матусовского использовались методы контекстологического, системного подхода, анализа и синтеза, обобщения, описания. При анализе интертекста для наименования интертекстуальных фрагментов будем использовать как семантические синонимы понятия «интертекст», «интертекстема», «интертекстуальное вкрапление», «интертекстуальная единица». Этими терминами мы, вслед за Т. Матвеевой, будем называть «фрагмент данного текста, являющийся отсылкой к ранее созданному тексту (текст в тексте) или содержащий высказывание о данном тексте (текст о тексте)» [3, с. 132].

Цель работы — проанализировать литературный интертекст как элемент идиолекта Михаила Матусовского. Объектом изучения стали интертекстуальные вкрапления из произведений писателя, предметом — стилистические особенности их использования. Материалом исследования послужили тексты поэтических произведений писателя, включенных в сборники разных лет: «Избранные произведения в двух томах. Том 1» [Т. 1], «Стихотворения. Песни» [СП], «Горечь» [Г], а также прозаический «Семейный альбом» [СА].

Литературный обзор (Literature Review)

Актуализация антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований обусловила востребованность

лингвокультурологического подхода к изучению словесно-художественного творчества. Одним из направлений этих исследований и стало изучение интертекстуальности. Из монографий последнего времени, посвященных интертекстуальности, считаем необходимым сказать о работе Н. Кузьминой «Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка», где интертекст трактуется как текстовая семиотическая культуросфера. Автором предложен метаязык описания динамических процессов в интертексте, который позволяет объяснять закономерности отношений текста со временем, творческим субъектом [7].

Одна из частей работы Н. Фатеевой «Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности» посвящена функциям интертекстуальности в художественном дискурсе. Автор, анализируя само понятие интертекстуальности, отмечает, что «с точки зрения автора интертекстуальность — это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического „Я“ через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов (т. е. других поэтических „Я“»)» [8, с. 20].

В монографии Л. Скорины «Голос и эхо»: дискурс интертекстуальности в украинской литературе 1920-х гг.» литература рассматривается сквозь призму межтекстовых связей. Проанализированы типы и формы интертекстуальности, очерчены ее параметры в украинской литературе эпохи «красного ренессанса». Главное внимание уделено особенностям репрезентации в художественных произведениях образов, мотивов, приемов, фабульного материала Библии, украинской (древней, классической, модернистской), античной, русской, французской, английской литературы [9].

Интертексту в произведениях литературы в последнее время посвящен ряд кандидатских диссертаций. Одной из таких стала работа А. Сопиной «Когнитивный аспект интертекстуальности английского художественного текста: на материале романов Д. Лоджа». Анализ автором интертекста на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях «позволил определить общие когнитивные механизмы формирования семантики интертекстуальных отсылок» [10, с. 19].

Кандидатская диссертация С. Дячок посвящена интертексту в поэзии украинской поэтессы Лины Костенко, особое внимание автор исследования уделяет изучению диалога в творчестве поэтессы с выдающимися фигурами национальной культуры. С. Дячок отмечает, что «формы установления диалогических связей с творческим наследием выдающихся украинцев характеризуются значительным разнообразием, реализуясь с помощью аллюзий, цитат, пародирования, находя отражение в фигурах персонажей лиро-эпических произведений» [11, с. 166].

В статье В. Черняк анализируются интертекстуальные включения в беллетристике, исследователь подчеркивает, что «современные авторы, строя диалог с читателем, показывают, как обмен интертекстами позволяет установить общность культурного кода коммуникантов, определить совпадение или расхождение эстетических пристрастий» [12, с. 311].

Изучение интертекстуальных связей остается востребованным видом исследовательской работы, ученые анализируют интертекст в произведениях А. Белого (В. Усачева),

М. Волошина (Н. Арефьева, И. Шаповалова), В. Набокова (В. Шадурский), И. Тургенева (Е. Акелькина), Н. Чернышевского (Е. Ендальцева, Т. Уздеева), других русских и зарубежных писателей.

Таким образом, обращение к интертексту как элементу идиолекта Михаила Матусовского обусловлено современными тенденциями исследования в рамках лингвистической поэтики, исследующей идиостиль писателей на уровне отдельных элементов художественной организации текста.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Интертексты в произведениях Михаила Матусовского достаточно разноплановы по источнику. Претекстами служат Библия, произведения художественной литературы разных периодов и стран, различного рода документальные вкрапления, фольклорные произведения, песни. Рассматривая интертекстуальные вкрапления в поэтических и прозаических текстах писателя, в данной статье привлекаем к анализу те из них, первоисточником которых являются литературные тексты. К ним мы относим произведения художественной литературы (русской и зарубежной), а также разного рода документы. При цитировании сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию.

1. Произведения художественной литературы.

Имя главного героя романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» как интертекста использовано в стихотворении «Русский испанец», посвященном памяти Г. В. Степанова. Академик Степанов — советский романист, с октября 1938 г. по апрель 1939 г. принимал участие в гражданской войне в Испании [13]. Вкрапление употреблено как обращение лирического героя: *Где же теперь мне искать тебя надо, / Где сегодня отыщешь твой след — / В Аликанте или под Гранадой, / Дон Кихот девятнадцати лет?..* [Г, с. 22]. Называя своего лирического персонажа именем литературного героя, писатель, по нашему мнению, проводит параллель между ними: бескорыстие, отчаянная самоотверженность и преданность своим идеалам — качества, присущие истинным борцам. Интертекстуальная единица, использованная в функции перифразы, демонстрирует авторское отношение к персонажу, придает тексту выразительность, активизирует, с нашей точки зрения, читательский интерес.

Изречение *Если не я себе, то ко мне?* (или: *Если не я за себя — кто за меня?*) принадлежит еврейскому мудрецу, законоучителю Гилелю, жившему в первые годы нашей эры в Иерусалиме. Гилель родился в Вавилоне, в юности пришел в Иерусалим, чтобы учиться понимать Священное писание. Проявил большие способности и прилежание. Более 20 лет возглавлял Верховный суд, религиозную школу, был доброжелательным, мудрым, снисходительным к людским слабостям [14]. Интертекста использована для придания экспрессивности речи лирического героя: *Ибо если не я напишу эту книгу, то кто же напишет ее за меня? / Сколько раз задыхался я под обломками, сколько раз вместе с ними горел наяву / Меня и сейчас иногда удивляет то, что я до сих пор живу... / Как от долгой болезни освобождаясь, я сдавал эту книгу стихов в пе-*

чать. / Если счетчик Гейгера поднести к этим строкам, он, вероятно, начнет стучать [Т. 1, с. 310]. Поэт расширил компонентный состав претекста, указав профессиональную сферу лирического героя — писательскую деятельность.

В стихотворение «Фрески Феофана Грека» поэт вкрапляет посвященные выдающемуся мастеру-иконописцу строки, взятые из письма автора жития Епифания Премудрого, адресованного им Кириллу, игумену Тверского Спасо-Афанасьевского монастыря приблизительно в 1415 г.: *...преславный мудрец, философ зело хитрый, книг изограф искусный и живописец изящный среди иконописцев* [15]. Вкрапление поэт «закавычивает», подчеркивая его заимствование. Интертекста служит для придания выразительности характеристике персонажа, стилизации текста, воссоздания колорита времени: *Богомазам всей артелию на него б молиться, / Он их признанный наставник, он для них — старшой. / «Живописец он изящный во иконописцах», / «Книг изограф нарочитый» и мудрец большой* [СП, с. 217].

М. Матусовский использует строку из стихотворения О. Берггольц «Здесь лежат ленинградцы...»: *Здесь лежат ленинградцы. / Здесь горожане — мужчины, женщины, дети. / Рядом с ними солдаты-красноармейцы. <...> / Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем, / так их много под вечной охраной гранита. / Но знай, внимающий этим камням, / Никто не забыт и ничто не забыто* [16, с. 344]. Говоря о перезахоронении неизвестного солдата, поэт подчеркивает избитость фразы, за которой его современники пытаются скрыть безразличие и невнимание к участникам Великой Отечественной войны. Вкрапление придает стихотворению Матусовского, с одной стороны, характер приподнятости, с другой — горечи, сожаления, возможно, и ощущения собственной вины лирического героя: *Но молчат о нёмobeliski / Все архивы о нём молчат. / От него составляя списки, / Отступил военкомат. <...> // Где последний приют солдата? / Кто заплачет о нём навзрыд? / Ведь считали же мы когда-то, / Что никто у нас не забыт* [Г, с. 15].

Мотив пушкинского стихотворения «К Чаадаеву» (*Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / Напишут наши имена!*) писатель использует в стихотворении «Голоса Равенсбрюка», интертекста служит для придания экспрессивного характера речи лирического героя: *Мы, по дощатым нарам братья, / Ногами втоптаные в грязь, / И даже тленом становясь, / Всё ж повторяли, как заклятые: / Товарищ, верь, придет пора, / Отступит смерть, утихнет мука, / И на обломках Равенсбрюка / Напишут наши номера!* [Т. 1, с. 377] Особую выразительность вкраплению придает замена компонентов: *самовластие* → *Равенсбрюк*, *имена* → *номера*, последнее подчеркивает трагизм положения узников концентрационного лагеря, у которых вместо имен были только номера.

Строки из пьесы Г. Ибсена «Привидения» писатель использует в стихотворении «С чего начинался театр в Хиросиме?» в качестве эпиграфа, который исследователи называют «предтекстом» (Т. Матвеева). Автор готовит читателя к нужному восприятию произведения, настраивает

на определенную тональность. Интертекстема предельно точно характеризует состояние и настроение жертв хиросимской трагедии:

Фру Алвинг. Мне почудилось, что передо мной выходцы с того света. Но готова думать, что все мы такие выходцы, пастор Мандерс!..

Освальд. Болезнь, доставшаяся мне в наследство, она сидит тут.

Фру Алвинг. Освальд, нет!

Освальд. Не кричи. Я не выношу крика. Да, сидит тут и подстерегает момент. И может прорваться наружу, когда угодно.

Фру Алвинг. Какой ужас! [Т. 1, с. 287] Претекст настолько точно эксплицирует состояние жителей Хиросимы после бомбардировки, что, не укажи автор источник строк (или читатель не знаком с ними из собственного читательского опыта), можно было бы с полной уверенностью говорить, что написано это о жителях японского города.

Как средство создания выразительности М. Матусовский применяет наименование романа О. де Бальзака в новелле «Шагреновая кожа». Поэт использует «получивший распространение в XX в. прием называть литературное произведение цитатой из предшествующей литературы, что должно вызвать соответствующие ассоциации у читателя» [17, стб. 1192], а также применяет интертекстему как сравнение: *А мир расширяется в раннем детстве почти ежедневно, ежеминутно. Сперва ограничен он колыбелью и той звездой, что горит над нею. <...> Но стоит нам совершить промашку и проявить малейшую слабость и стоит себе самому признаться, что мы хоть чуточку постарели, как мир начинает для нас сужаться неотвратимо и безвозвратно, подобно шкурке шагреновой кожи* [Г, с. 185].

Литературное движение в Германии 1770–80-х гг. «Штурм унд дранг» (нем. Sturm und Drang, рус. «Буря и натиск») получило свое название от одноименной пьесы Ф. Клингера. Движение характеризовалось восприятием гуманистических взглядов Просвещения с его отрицанием эстетики классицизма, приданием новой эстетике национального своеобразия, сводившегося к обязательному изображению страстных героических персонажей, идущих наперекор существующему деспотическому режиму [18, с. 281]. Интертекстема в немецкой огласовке употреблена в тексте для придания экспрессивности характеристике персонажа. Анализ контекста позволяет утверждать, что вкрапление придает определенное ироническое звучание повествованию (героические персонажи — инспектор на товарной станции). Этому способствует и аллюзия на пьесу Ф. Шиллера «Разбойники», герой которой Карл Моор, пылкий и восторженный юноша, с детства увлекался героическими деяниями великих людей прошлого: *Маленький Вермер читал пламенные, взрывчатые монологи Карла Моора и даже одно время мечтал сам податься в артисты. Но когда он вырос, отец определил его колею, пристроив молодого человека младшим инспектором на товарную станцию. В его обязанности входила приемка и оформление грузов, выписка и проверка накладных на товары и доставка их адресатам. Так быстро прошла для юного Отто короткая пора «штурм унд дранг»* [СА, с. 288].

Поэт приводит первую строку «Юбералленгипфельн» (нем. Über allen Gipfeln, рус. досл. «прежде всего вершины») из стихотворения Г. Гейне Ein Gleiches, более известного как перевод М. Ю. Лермонтова «Горные вершины спят во тьме ночной». Интертекстема служит для культурно-национальной идентификации инокультурного персонажа, его речевой характеристики: *...она пыталась петь тирольские песни, несомненно, родившиеся в горах и передразнивающие горное эхо, а потом, беспрестанно роняя пенсне, читала: «Юбералленгипфельн», — читала так проникновенно, с таким чувством, которого не мог бы предвидеть сам автор этого знаменитого восьмистишия* [СА, с. 35].

2. Источники документального характера.

Как интертекстуальное вкрапление в стихотворении «Дождь идет темно и одиноко...», посвященном А. Блоку, использованы строки из записной книжки Блока, датированные 1909 г.: *Дождик, пашни, чахлые кусты...* [цит. по: 19]. В произведении М. Матусовского интертекстуальное вкрапление служит для воссоздания колорита времени, активизации читательского интереса: *Дождь идет темно и одиноко, / Не переставая дождь идет. / Возвращенье Александра Блока. / Время: девятьсот девятый год // <...> Только верит он в зарю иную, / Полную неброской красоты. / И заносит в книжку записную: / Дождик, пашни, чахлые кусты...* [Т. 1, с. 469].

В стихотворении «Фашисты бьют по Спасу на Нередице» как эпиграф использован фрагмент письма, в котором и изложены обстоятельства, легшие в историческую основу текста, придавшие лирическому повествованию реалистический характер: *Купол, как крыша, так и свод, пробиты с западной стороны, но еще держатся на месте. Пострадали пророки и картина Вознесения. Но самое главное — это снесено западное плечо на хорах почти по окну... От дверей нет и помину. Также снесена и изуродована вся крыша, и еще много ранений по стенам. (Из письма сторожа Антонова, не покинувшего церкви в самые страшные дни обстрела.)* [Т. 1, с. 439].

Стихотворение «Грамота № 377» — одно из произведений, посвященных древнерусской истории, эпиграфом к нему автор избрал строки из грамоты: *От Микити к Улиааниц. Пойди за мне. Яз тебе хоцю, а ты мене.* (Новгородская береста XIII в.) Интертекстема задает содержательный тон стихотворению, создает исторический колорит, в определенной степени поясняет авторский замысел: *Вырывается слово / Из подземного плена / И воистину ново, / И веки нетленно. // И в далеких зарницах, / То пунцовых, то алых, / Нескончаемо длится / Их любовный диалог* [Т. 1, с. 451].

Стихотворение «Витославицы» посвящено древнерусским зодчим, чья работа неизменно вызывает восхищение утонченным мастерством и изяществом, в качестве эпиграфа поэт приводит строки из древней грамоты: *Рубить высоту, как мера и красота скажут.* (Из древней артельной грамоты.) [Т. 1, с. 455]. Мотив *меры и красоты* использован как эпифора, употребляется в первой и последней строфе, интертекстуальная единица придает патетическое звучание тексту, создает экспрессивный настрой: *Близ дороги, на повороте / Место выбери неспроста. / Остальное тебе*

в работе / Скажут мера и красота... <...> // Не сегодня ли, не вчера ли / Всё-то в спешке да на лету / Где-то с вами мы растеряли / Эту меру и красоту?.. [Т. 1, с. 455–456].

В стихотворении «Госпиталь в Иверском монастыре» автор приводит высказывание, приписываемое патриарху Никону (1605–1681), который так отозвался об острове, где находится Иверский монастырь: *Пусть не велик он, но красен зело*. В годы Великой Отечественной войны в Иверском монастыре находился госпиталь. В поэтическом тексте, по нашему мнению, вкрапление служит для придания особой торжественности, подчеркивания значимости и древности места, которое стало для одних спасением, для других — последним пристанищем на земле. Военный временной колорит в стихотворении создается упоминанием песни «Синий платочек» (авторы текста Я. Галицкий и М. Максимов): *Весь с головой забинтованный летчик / Вспомнил о маме на смертном одре. / Кто-то мурлычет про «синий платочек» — / Госпиталь в Иверском монастыре. // Кажется, зябко колеблются свечи, / То пригасая, то вспыхнув светло. / Никоном лично сей остров отмечен: / «Пусть не велик он, но красен зело»* [Т. 1, с. 485].

Заключение (Conclusion)

Рассмотрев часть интертекстуальных вкраплений из произведений Михаила Матусовского, представлен-

ных претекстами литературного происхождения, можем резюмировать: 1) интертекстуальные единицы — важная составляющая идиолекта писателя; 2) М. Матусовский использует как интертекстемы фрагменты разных по стилистике и жанрам произведений; 3) интертекст из античных и древнерусских источников служит для воссоздания исторического колорита, придания торжественности речи лирического героя; 4) интертекстуальные вкрапления, употребленные в функции эпитафии, задают содержательный тон стихотворениям, поясняют авторский замысел; 5) интертекстемы из произведений художественной литературы используются для характеристики персонажей, создания патетического звучания; они служат для активизации читательского интереса; 6) интертекстуальные единицы, источники которых — разного рода документы, способствуют приданию тексту достоверности, эмоциональной выразительности.

Дальнейшие исследования интертекста произведений Михаила Матусовского, на наш взгляд, позволят глубже проанализировать особенности идиолекта писателя, материалы работы могут быть использованы как при изучении лингвистических дисциплин (стилистика, стилистический анализ художественного текста, история литературы), так и историко-культурологических (история, история культуры).

Список источников

- Г — Матусовский М. Л. Горечь: Книга стихотворений. М. : Советский писатель, 1992. 192 с.
 СА — Матусовский М. Семейный альбом // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины). Луганск : Виртуальная реальность, 2011. С. 7–550.
 СП — Матусовский М. Л. Стихотворения. Песни. М. : Художественная литература, 1986. 414 с.
 Т. 1 — Матусовский М. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения, поэмы, песни. М. : Художественная литература, 1982. 639 с.

Библиографический список

1. Григорьев В. П. Идиолект // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 114.
2. Виноградов В. А. Идиолект // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Большая российская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 144–145.
3. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
4. Смолина А. Н. Интертекстуальность и особенности ее реализации в духовном письме-поучении // Вестн. Сев. (Аркт.) федер. ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 43–52. DOI: 10.37482/2227-6564-V005
5. Вежбиньски Я. Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. 2008. № 4. С. 179–187.
6. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.
7. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : моногр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. Омск : Ом. гос. ун-т, 1999. 268 с.
8. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 3-е изд., стер. М. : КомКнига, 2007. С. 16–39.
9. Скорина Л. «Гомін і відгомін»: дискурс інтертекстуальності в українській літературі 1920-х років : моногр. Черкаси : Брама-Україна, 2019. 704 с.
10. Сопина А. Л. Когнитивный аспект интертекстуальности английского художественного текста: на материале романов Д. Лоджа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 22 с.
11. Дячок С. Интертекст у поезії Ліни Костенко : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2019. 186 с.
12. Черняк В. Д. Интертекстуальные включения в беллетристике: ребусы и ключи // Урал. филол. вестн. Сер. : Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 309–316. DOI: 10.26170/ufv20-02-28
13. Степанов Георгий Владимирович // Википедия — свободная энциклопедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Степанов,_Георгий_Владимирович (дата обращения: 21.12.2021).

14. Пятигорский Р. Р. Мудрец Илель (Гилель) // Иудаизм и евреи. 2010. 15 янв. URL: https://toldot.ru/rabbanim/rabbanim_9849.html (дата обращения: 20.12.2021).
15. Феофан Грек // Художественная энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/3418/%D0%A4%D0%B5%D0%BE%D1%84%D0%B0%D0%BD (дата обращения: 22.12.2021).
16. Берггольц О. Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1983. 608 с.
17. Николукин А. Н. Цитатное заглавие // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николукина. М. : Интелвак, 2001. Стб. 1192.
18. Вебер П. Литература эпохи Просвещения // История немецкой литературы : в 3 т. / общ. ред. и предисл. А. Дмитриева. М. : Радуга, 1985. Т. 1. С. 211–328.
19. Иконников-Галицкий А. Сожженные революцией. URL: https://limbuspress.ru/wp-content/uploads/2021/11/ikonnikov_Gallizkii_Revolutzia.pdf (дата обращения: 20.12.2021).

References

- Berggol'ts O. (1983) *Selected Works*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 608 p. (in Russian)
- Bolotnova N. S. (2009) *Filologicheskii analiz teksta [Philological Analysis of the Text]**. 4th ed. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 520 p. (in Russian)
- Chernyak V. D. (2020) Intertekstual'nye vklucheniya v belletristike: rebusy i klyuchi [Intertextual Inclusions in Fiction: Rebuses and Keys], *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa [Ural Journal of Philology. Language. System. Personality: Linguistics of Creativity]**, no. 2, pp. 309–316, doi: 10.26170/ufv20-02-28 (in Russian)
- Dyachok S. (2019) *Intertekst u poezii Lini Kostenko [Intertext in the Poetry of Lina Kostenko]**, Cand. philol. sci. diss. Kiev, 186 p. (in Ukrainian)
- Fateeva N. A. (2007) Intertekstual'nost' i ee funktsii v khudozhestvennom diskurse [Intertextuality and Its Functions in Artistic Discourse]*, *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti [Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality]**. 3rd ed. Moscow, KomKniga Publ., pp.16–39. (in Russian)
- Feofan Grek [Theophanes the Greek]*, *Khudozhestvennaya ehntsiklopediya [Encyclopedia of Art]**. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/3418/%D0%A4%D0%B5%D0%BE%D1%84%D0%B0%D0%BD (accessed: 22.12.2021). (in Russian)
- Grigor'ev V. P. (1987) *Idiolekt [Idiolect]*, Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. (eds.) Literaturnyi ehntsiklopedicheskii slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary]**. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., p.114. (in Russian)
- Ikonnikov-Galitskii A. *Sozhzhennye revolyutsiei [Burnt by the Revolution]**. Available at: https://limbuspress.ru/wp-content/uploads/2021/11/ikonnikov_Gallizkii_Revolutzia.pdf (accessed: 20.12.2021). (in Russian)
- Kuz'mina N. A. (1999) *Intertekst i ego rol' v protsessakh ehvolyutsii poeticheskogo yazyka [Intertext and Its Role in the Evolution of Poetic Language]**. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet Publ., 268 p. (in Russian)
- Matusovskii M. (1982) *Selected Works*. Vol. 1. Stikhotvoreniya, poehmy, pesni [Poems, Poems, Songs]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 639 p. (in Russian)
- Matusovskii M. L. (1986) *Stikhotvoreniya. Pesni [Poems. Songs]**. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 414 p. (in Russian)
- Matusovskii M. L. (1992) *Gorech': Kniga stikhotvorenii [Bitterness: A Book of Poems]**. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 192 p. (in Russian)
- Matusovskii M. (2011) *Semeinyi al'bom [Family Album]*, Matusovskii Mikhail. Proza (S. Literaturnaya gordost' Luganshchiny) [Matusovsky Mikhail. Prose (S. Literary Pride of the Luhansk Region)]**. Lugansk, Virtual'naya real'nost' Publ., pp. 7–550. (in Russian)
- Matveeva T. V. (2010) *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov [A Complete Dictionary of Linguistic Terms]**. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 562 p. (in Russian)
- Nikolyukin A. N. (2001) *Tsitatnoe zaglavie [Quotation Title]*, Nikolyukin A. N. (ed.) Literaturnaya ehntsiklopediya terminov i ponyatii [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]**. Moscow, Intelvak Publ., column 1192. (in Russian)
- Pyatigorskii R. R. (2010) *Mudrets Ilel' (Gilel') [Sage Ilel (Hillel)]*, Iudaizm i evrei [Judaism and Jews]*, January 15. Available at: https://toldot.ru/rabbanim/rabbanim_9849.html (accessed: 20.12.2021). (in Russian)
- Skorina L. (2019) *"Gomin i vidgomin": diskurs intertekstual'nosti v ukrains'kii literaturi 1920-kh rokiv ["Homin and Echo": The Discourse of Intertextuality in the Ukrainian Literature of the 1920s]**. Cherkasy, Brama-Ukraina Publ., 704 p. (in Ukrainian)
- Smolina A. N. (2020) Intertekstual'nost' i osobennosti ee realizatsii v dukhovnom pis'me-pouchenii [Intertextuality and Its Realization in the Spiritual Homily Letter], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]**, no. 2, pp. 43–52, doi: 10.37482/2227-6564-V005 (in Russian)
- Sopina A. L. (2019) *Kognitivnyi aspekt intertekstual'nosti angliiskogo khudozhestvennogo teksta: na materiale romanov D. Lodzha [The Cognitive Aspect of the Intertextuality of the English Literary Text: Based on the Novels of D. Lodge]**, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Saint Petersburg, 22 p. (in Russian)
- Stepanov Georgii Vladimirovich [Stepanov Georgy Vladimirovich]*, *Vikipediya — svobodnaya ehntsiklopediya [Wikipedia — The Free Encyclopedia]**. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Степанов,_Георгий_Владимирович (accessed: 21.12.2021). (in Russian)

Veber P. (1985) Literatura ehpokhi Prosveshcheniya [Literature of the Enlightenment]*, *Dmitriev A. (ed.) Istoriya nemetskoj literatury [History of German Literature]**. Moscow, Raduga Publ., vol. 1, pp. 211–328. (in Russian)

Vezhbin'ski Ya. (2008) Semantiko-kul'turologicheskii aspekt intertekstual'nosti v khudozhestvennom tekste [Semantic and Cultural Aspect of Intertextuality in a Literary Text]*, *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*, no. 4, pp. 179–187. (in Russian)

Vinogradov V. A. (1997) Idiolekt [Idiolect]*, *Karaulov Yu. N. (ed.) Russkij yazyk [Russian Language]**. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya Publ., Drofa Publ., pp. 144–145. (in Russian)

*Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.